

Иванова С.И.

Аспирант, кафедра философии, Белгородский государственный университет

ОБРАЗ ПОЛЬШИ В ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ КОНЦЕПЦИИ Н.Я. ДАНИЛЕВСКОГО: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ «БОРЬБЫ С ЗАПАДОМ»

Аннотация

Рассматривается влияние польского вопроса на формирование идеи национальной идентичности в русской культуре XIX века через творческое наследие русского философа Н.Я. Данилевского. Определено особое место польского народа в контексте цивилизационной концепции Данилевского. Противопоставив Польшу славянству и России, он приближает ее к западной цивилизации. Для философа Польша - образец того, что ждет славянские народы, рискнувшие предать почву, встать на чуждый им путь западного развития.

Ключевые слова: «польский вопрос», борьба цивилизаций, культурно-исторический тип, почвенничество, национальная идентичность.

Key words: "the Polish question ", struggle of civilizations, cultural-historical type, Pochvennichestvo (Return to Soil), national identity.

Самый знаменитый труд Н. Данилевского «Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к романо-германскому», был впервые опубликован на страницах журнала «Заря» в 1869 г. (№1-6, 8-10), редактором которого являлся Н.Н. Страхов. «Россия и Европа» - значимое произведение, семнадцать глав которого посвящены рассмотрению важнейших вопросов, связанных с определением места России и славянства в мировой истории. Возникновение данного сочинения Данилевского в 60-ые годы XIX века является вполне обоснованным с исторической и идеологической точек зрения. Недовольство и разочарованность существующей государственной политикой и идеологией, особенно после неудачи в Крымской войне, и дипломатического поражения России на Берлинском конгрессе, лишившего балканских славян надежды на политическую независимость, переросло в потребности переосмысления прошлого, устранения противоречий, поиска национального и социокультурного самоопределения. События в Польше, связанные с утратой ее государственной самостоятельности и включением польских территорий в состав Российской империи, поставили русскую общественность перед сложным «польским вопросом», еще более обострив проблему противостояния России европейскому влиянию в славянском мире. В среде русской интеллигенции славянофильской направленности все больше доминировали антизападные настроения, чувство оскорбленной национальной гордости, требования ревизии государственной политики и убежденность в единстве интересов России и славян, в противоположности интересов России и Европы. В этом направлении и была создана философско-историческая концепция Н.Я. Данилевского.

Идеи Данилевского были по-разному восприняты современниками. Так, В.В. Розанов писал: «Мысль о культурно-исторических типах, мысль величественная, простая, неопровержимая; эта простая мысль о том, что в саду есть разные деревья и каждое растет по своему и бывает тем или иным, смотря по семенам, которые были брошены в землю» [1,169]. Ф.М. Достоевский рассматривал «Россию и Европу» как «будущую настольную книгу всех русских», изумляясь сходству выводов и убеждений с его собственными [2,67].

Наибольшую силу и энергию по защите и пропаганде идей Данилевского, так же в издании сочинений проявил его личный друг Н.Н. Страхов. Ему удалось преодолеть равнодушие общества и вызвать интерес к творчеству русского философа. Но являясь

апологетом и пропагандистом его взглядов, Страхов не пытался развивать творческое наследие философа. Настоящим продолжателем идей Данилевского стал русский философ консервативного направления К.Н. Леонтьев. Восприняв основные выводы и методологию Данилевского, Леонтьев преобразовал его идеи в свою весьма оригинальную концепцию мировой истории [2, 53-97].

Однако, не все отзывы были положительными. С критикой «естественной системы» Данилевского, «несовместимой не только с христианской идеей, но и с самими историческими фактами христианства как религии универсальной, всемирно-исторической...», выступал философ В.С. Соловьев [3,381]. Главным оппонентом Соловьева, после смерти Данилевского, стал его друг и идейный соратник Страхов. Острая полемика их публикаций с 1888-го по 1890-е годы рисует захватывающий поединок концепций и идей. Соловьев публикует свои статьи на страницах «Вестника Европы», Страхов печатается в славянофильском «Русском Вестнике». Впоследствии эта переписка была объединена в сборники: Н.Н. Страхов «Борьба с западом в нашей литературе» (1890) и В.С. Соловьев «Национальный вопрос в России» (1891).

Высказанные Н.Я. Данилевским философско-исторические идеи не только привлекали внимание современников, но и оказали влияние на становление будущих философских систем. Идеи О. Шпенглера и А. Тойнби - крупных европейских культурологов XX в. - носят на себе неоспоримый отпечаток философско-исторической концепции русского философа. Новая волна интереса к труду мыслителя пришла в начале XX века, а его обоснования цивилизационного подхода в понимании исторического процесса легли в основу евразийского философско-политического движения.

Отвергая идею существования единой общечеловеческой культуры, автор утверждает многообразие человечества через культурно-историческое своеобразие народов и цивилизаций. Причем, центральное место в его концепции отводится борьбе европейской и славянской цивилизации. Эту борьбу Данилевский рассматривает как продолжение противостояния римской цивилизации с греческой, Рима с Византией, наследниками которых стали германцы (романо-германская цивилизация) и славяне. По словам Данилевского, «в этих народах должна ожить вековая борьба, которая велась всяким оружием между Грецией и Римом» [4,339]. Европа не признает Россию своей составной частью, и это вполне закономерно, соглашается Данилевский. Россия не питалась соками Древнего мира, не являлась частью Римской империи Карла Великого — общего ствола европейской цивилизации. Она не принимала участие в политических и религиозных событиях, проходивших в Европе, поэтому Россия, делает вывод автор, «не причастна ни к европейскому добру, ни к европейскому злу» [4,81]. Но Россия не только не являлась частью романо-германской культуры, но и представляла собой препятствие для ее продвижения на Восток. Она всегда имела свои интересы, защищала свою территорию, представляя собой «весьма трудно преодолимое препятствие к развитию и распространению настоящей общечеловеческой, то есть европейской, или романо-германской, цивилизации» [4,85].

Автор указывает на коренные различия двух цивилизаций, которые неизбежно ведут к их столкновению. Исследуя различные культурно-исторические типы, Данилевский делает упор на конкретное вычленение их психоэтнических особенностей. Как утверждает исследователь творчества философа К.В. Султанов: «В основу теории Н.Я. Данилевского положена концепция культуры в современном антропологическом, или точнее, этнопсихологическом смысле, и основной методологический тезис состоит в понимании культуры как объективации национального характера» [5,62]. То есть каждый народ творит культуру в соответствии со своим национальным характером. Отказаться от него означает для культуры только одно — отказаться от самой себя от своего места в истории и признать бессмысленность своего существования. Подтверждение этому можно

найти у самого автора: «Различия в характере народов, составляющие самобытные культурно-исторические типы... могут быть подведены... под различия этнографические; это те племенные качества, которые выражаются в особенностях психологического строя народов...» [4,199].

Главной чертой европейского, романо-германского типа народов, по мнению Н.Я. Данилевского, является насилие. Оно, в свою очередь, формирует «чрезмерно развитое чувство личности, индивидуальности», выдвигание своего образа мыслей и интереса выше интереса других, навязывание своего интереса и образа мыслей другим. В политике эта черта приводит к формированию крайних форм государственной власти, к угнетению других народов или к разрушительным последствиям безграничной свободы. В религии — к нетерпимости, к фанатизму или к отвержению всякого авторитета. Автор говорит о католицизме, как о христианском учении, «подвергшемся искажению именно под влиянием романо-германского народного характера» [4,206]. В наступивший век политической свободы насильственность характера проявилась не меньше: «не устающая действовать гильотина, Лионские расстреливания картечью, Нантские потопления, внешние войны, которыми проповедовались с мечем в руках равенство, братство и свобода...» [4,212].

Совсем иные черты, по мнению Данилевского, свойственны славянам: «Славянские народы самой природой избавлены от насильственности характера, которую народам романо-германским, при вековой работе цивилизации, удастся только перемещать из одной сферы деятельности в другую» [4,215]. Главная их черта — прирожденная гуманность, высшим выражением которой стала отмена смертной казни раньше, чем это произошло в странах Западной Европы. Во внешней политике, утверждает философ, России всегда было свойственно бескорыстие, «нередко к ущербу России, ... побуждавшее жертвовать своими интересами - чужим» [4,216]. В отличие от Запада, где духовным и социально-политическим изменениям предшествует жестокая борьба и кровавые распри, в России дело обстоит иначе: «борьба происходит внутри народного сознания, и когда приходит время заменить старое новым на деле, эта замена совершается с изумительной быстротой, без видимой борьбы...» [4, 217]. То есть происходит процесс внутреннего перерождения: процессы идут в глубине народного духа, недостатки уясняются внутренним сознанием, и народ отрешается от того, что подлежит отмене или изменению. Ярким примером этого, по Данилевскому, может служить крещение Руси, когда князь Владимир, почувствовав духовную пустоту, созывает представителей разных религий, обсуждает с ними их учения и выбирает православие, которое почти без сопротивления принимается народом. То есть в душе князя происходят те же изменения, которые переживает вся Русь. Таким образом, в отличие от западноевропейцев, «не интерес составляет главную пружину, главную двигательную силу русского народа, а внутреннее нравственное сознание», которое медленно зреет в духовном организме и всецело охватывает его, когда наступает время действовать [4,222]. Кроме того, автор указывает на огромный перевес в Русском народе общенародного над индивидуальным, личным элементом. Поэтому, Данилевский делает вывод о несомненном нравственном, духовном превосходстве славянского народного характера над германским, который, «чуждый насильственности, исполненный мягкости, покорности, почтительности, имеет наибольшее соответствие с христианским идеалом» [4,517].

Подобные суждения Данилевского об исключительности и непогрешимости русского народа, являются еще более консервативными, даже по сравнению с взглядами ранних славянофилов. Как известно, славянофилы 40-х годов XIX века были склонны к романтической идеализации русской старины, но, тем не менее, смело критиковали русскую действительность. Они хотели видеть Россию идеалом свободного, справедливого, гуманного государственного образования, но отнюдь не считали, что она

уже является таковой. В целом, Н.Я. Данилевского можно отнести к славянофилам, но, вместе с тем, между ними существуют значительные различия. Теория Данилевского лишена основной задачи, которую ставили славянофилы, а именно: задачи синтеза Запада и России во «всечеловеческую» культуру. Говоря о том, что русский народ имеет всемирно-историческое призвание, они видели его смысл в служении общечеловеческой идее, а не в господстве над другими народами. Так, И.В. Киреевский писал: «Все споры о превосходстве Запада или России, о достоинстве истории европейской или нашей и тому подобные рассуждения принадлежат к числу самых бесполезных, самых пустых споров». «Отвергать все западное, - читаем дальше, - и признавать ту сторону нашей общечеловеческой, которая прямо противоположна европейской, есть направление одностороннее» [6,42]. Славянофилы полагали, что Запад может возродиться путем приобщения к живительным истокам славянского духа и спастись через истину православия. Данилевский же уходит от метафизической основы славянофильской теории, заменяя ее естественно-научной концепцией исторического развития. Поэтому, в его учении нет места общечеловеческой идее, на первый план выходит обоснование исключительности и мессианской роли славянской культуры и особенно русского народа. Происходит подмена общечеловеческого национальным, формируется сознательный «славяноцентризм»: Россия и славянство должны развивать свои самобытные начала, руководствуясь «одними славянскими интересами, хотя бы они были сто раз противоположны интересам Европы и всего остального света, до которых нам нет и не должно быть никакого дела» [4,325-326].

Но для осуществления своей великой миссии, а именно, стать центром славянского мира, Россия должна избавиться от главного недуга, «серьезной болезни», которая «может сделаться гибельною, постоянно истощая организм, лишая его производительных сил» — от «европейчанья» [4,293]. Начало этой болезни, было положено «обезнарождающими» реформами Петра I. Своими действиями, направленными на изменения «в быте, нравах, обычаях и понятиях, которые он старался произвести в русском народе», он, по мнению автора, нанес «величайший вред будущности России (вред, который так глубоко пустил свои корни, что досель еще разъедает русское народное тело)» [4, 296]. Вся русская жизнь была насильственно перевернута на иностранный лад, но главное, исказилось само понятие об истинно русском, народном, пострадали самые основы русской жизни, да так, «что даже в счастливые периоды национальной политики (как внешней, так и внутренней) русским считалось нередко такое, что вовсе этого имени не заслуживало» [4,297]. Преобразования раскололи русское общество на высший слой, который стал полностью европейским и низший, который сумел сохранить русские черты, народный дух и народное достоинство, но пренебрежение всем русским, по мнению автора, может привести к скорому умиранию русского духа. Преобразования Петра превратили Россию попеременно в объект то английского, то немецкого, то французского влияния и поставили перед ней главный вопрос: сможет ли Россия переварить все привнесенные западные заимствования, начала и гармонично растворить их в народном сознании или ей грозит бесплодное, бессильное существование на задворках Европы, как это произошло, по мнению Данилевского, с Польшей.

Еще в «эпоху гибкости и мягкости, которыми отличается этнографический период народной жизни», поляки, как и многие другие западные славянские племена, подвергались сильному политическому и культурному влиянию германо-романского культурного типа. Польша, сохранив свою политическую самостоятельность, «более всех подчинилась нравственному культурному господству Запада», таким образом, «сохранив до поры до времени свое тело, потеряла свою славянскую душу» [4,521]. Это и было главной причиной тех противоречий, которые постепенно разъедали славянские основы польского народа и привели к утрате независимого бытия польского государства.

Важнейшим фактором европейского влияния, глубоко искажающим польский народный характер, стала католическая религия. Истинное христианство автор отождествляет только с греко-православным вероисповеданием, признавая католичество «ложной формой христианства (продуктом лжи, гордости и невежества...)», а протестантство - «отрицанием религии вообще» [4,81; 4,229]. Это противоречие в концепции Данилевского увидел русский философ В.С. Соловьев. В своих критических публикациях он доказал, что отождествление христианства исключительно с «греко-российским» вероисповеданием, приводит к признанию «специально просветительным началом одного русско-славянского культурно-исторического типа». Это опровергает саму теорию Данилевского: вместо множества равноправных культурно-исторических типов, «человечество должно делиться только на две безусловно несоизмеримые половины: с одной стороны, православный славянский мир, обладающий исключительным преимуществом абсолютной истины, а с другой стороны — все прочие племена и народы, осужденные пребывать в разных формах лжи» [3,375]. Ложная латинская вера, чуждая славянскому духу привела к искажению религиозности поляков и распространению пороков, свойственных западному миру, таких как религиозная нетерпимость, фанатизм, иезуитство. Но Польша не просто «изменила славянским началам», но стала, по словам автора, «вредным членом славянской семьи», скрепив эту измену постоянными войнами с Россией и полонизацией западнорусских земель. То есть, по сути дела, стала верным союзником Запада в деле духовного мессианизма в славянских землях. Ярким примером этого явилась Брестская церковная уния как способ подчинения русского православного населения власти поляков.

Для Данилевского Польша— образец того, что ждет славянские народы, рискнувшие предать почву, встать на чуждый им путь западного развития. Хотя, в политическом отношении Польша сумела создать и сохраняла долгое время государственную независимость, но, как подчеркивает философ, ее государственное существование сопровождалось «отсутствием всякого политического смысла», как во внутривнутриполитической, так и внешнеполитической жизни [4,528]. Пересаженные на чуждую, не свойственную им польско-славянскую почву, все европейские политические явления и институты приобретают не характерные им очертания, то есть, по словам Н.Я. Данилевского, «обращаются в уродства». Аристократизм, «произведший в Европе рыцарство», способствующий политическому развитию и промышленным достижениям Запада, в Польше «обратил высшие сословия в ясновельможное панство и шляхетство, а низшие - в быдло». Демократизм и революция, уничтожившие многие злоупотребления и установившие свободные государственные учреждения в Европе, «производили в Польше только сеймики, конфедерации, "не позволям", народный жонд, кинжальщиков и жандармов-вешателей» [4,427]. Во внешнеполитической жизни роль поляков представляется не менее спорной. Активная помощь Западу в проведении европейской захватнической политики на Востоке, стремление «угнетать другие народности, лишая их не только политической жизни, но и всякой свободы, религиозной и бытовой», «смуты, производимые в соседних государствах и, наконец, измена собственному племени достаточно доказали неспособность поляков к государственной жизни». Исходя из этого, автор делает вывод: поляки, как преступники, заслуживают лишения свободы, «которую всегда употребляли во зло», оказавшись невольными изменниками русско-славянскому миру, к которому, по мнению Н.Я. Данилевского, они должны принадлежать. Поэтому, право наказывать провинившихся славян-поляков принадлежит исключительно России, «против которой Польша постоянно была виновата», а не Австрии и Пруссии. [4,253].

Исключительно в положительном ключе автор оценивает внешнеполитическую деятельность России, полностью оправдывая все ее внешние войны, которые она вела, по его мнению, только с одной целью: вернуть то, «что в несчастные времена ее истории было отторгнуто ее соседями», но не как не узурпации [4,61]. То же было в отношении

Польши. Обвинения России в захвате польских земель не являются обоснованным, так как она только возвращала свои исконные русские земли. Поэтому, делает вывод автор, «раздел Польши, насколько в нем принимала участие Россия, был делом совершенно законным и справедливым, был исполнением священного долга перед ее собственными сынами» [4,55]. Польша рассматривается философом не как самостоятельная народность, обладающая правом политической независимости, а как составная часть славянской цивилизации, обладающая обязанностью подчинения общим славянским интересам.

Время с 1815 по 1830 гг., по мнению философа, было лучшим для поляков в материальном и нравственном отношении, но главное, они были фактически независимы от России, находясь в личной унии с русским царем: «Царство пользовалось независимым управлением, особой армией, собственными финансами и конституционными формами правления» [4,57]. Но эта свобода и стала причиной будущих восстаний. По словам автора, независимость вредна для Польши, так как стала бы «гибелью польского народа» в результате его онемечивания. Кроме того, независимое польское государство неизбежно превратилось бы в «центр революционных интриг», «театр часто повторяющихся войн», направленных против России. А Россия вынуждена будет «уничтожить вредное для нее гнездо», что приведет к гибели польской народности [4,424]. «Маложелательным» для России было бы и насильственное соединение польской народности с Русским государством, так как складывающийся русский культурно-исторический тип, считает философ, не нуждается в искажающем влиянии польского характера, несомненно, вредного для развития славянского духа. Здесь проявляется двойственность позиции автора по отношению к Польше, о которой, в частности, упоминает В.С. Соловьев в «Национальном вопросе в России». Когда Данилевскому необходимо оправдать конфликтные отношения между Россией и Польшей, тогда поляки показаны изменниками и предателями славянства, «перешедшими во враждебный латино-германский мир, и долженствующими погибнуть вместе с ним без всякого права на участие в будущих великих судьбах славянского племени». Когда же автор говорит о славянских достижениях в научной или политической сфере, например о Копернике и Яне Собеском, они «не только признаются настоящими славянами, но и почти не отличаются от русских: их слава — наша слава!» [3, 343].

Сложный польский вопрос, по мнению Н.Я. Данилевского, может быть решен только «при посредстве всеславянской федерации». Данилевский говорит о том, что не следует пытаться разрешить польскую проблему «вне общего решения всех славянских вопросов», так как, несмотря на все искажения и противоречия, Польша продолжает оставаться славянским государством. Единственно возможное будущее для Польши он представлял только в составе славянского союза: она будет сохранять независимое существование, но не сможет нанести вред России, так как «всякое действие ее против России было бы действием не против нее только, а против всего Славянства (одну из составных частей которого она сама бы составляла), было бы, следовательно, изменою против самой себя» [4,429]. Кроме того, соседствуя с другими славянскими народами, Польша сможет укрепить свои славянские корни, свою почву, что поможет ей избавиться от губительных европейских черт и вернуться к самобытному развитию в рамках славянского культурно-исторического типа. То есть, Данилевский выдвигает конкретный политический проект, панславистской националистической направленности, который, при ведущей роли России, направлен на нивелирование национальных особенностей других славянских народов, в частности поляков.

Автор указывает на то, что Россия, не являясь частью Европы «ни по происхождению, ни по усыновлению», для того, чтобы продолжать независимое существование и развитие, должна, вместе с другими славянскими народами, образовать самостоятельный культурно - исторический тип. Эта точка зрения была особенно

актуальна в условиях обострения внешнеполитического противостояния Россия-Запад во второй половине XIX века и распространения представлений о России как об отсталой нецивилизованной, некультурной стране, для осознания своего культурного своеобразия, национальной идентичности. И здесь наиболее показателен опыт Польши, пример того, что может сделать подражание Европе - «европечанье», со славянским культурным организмом. Польша у философа — жертва губительного влияния Европы на славянское начало, возможная судьба России, если не изменить отношения к себе, к своей культуре, к своим цивилизационным особенностям.

Однако, необоснованная идеализация славянской цивилизации и ведущей роли в ней русского государства, предпринятая автором с целью подъема национального самосознания современников, не привела к поиску новых путей обновления России, а обернулась лишь попыткой смены парадигм с евроцентризма на русскоцентризм. Именно Россия, по мнению автора, сохранила для славянства все то, что оно само не смогло сохранить. Если обратиться к политической стороне вопроса, к тому, «насколько славянские народы выказали способности к устройству своей государственности, мы встречаем явление, весьма неодобрительное... все славянские народы, за исключением русского, или не успели основать самостоятельных государств, или, по крайней мере, не сумели сохранить своей самостоятельности и независимости» [4,519]. Россия выступала как главный носитель и хранитель православия во всем славянском мире, основные достижения в культурном развитии тоже принадлежат России: «прочие славянские народы... не представляют, правда, чего-либо выходящего из ряда вон в области искусства и литературы» [4,453]. Но обоснование идей национализма не может положительно сказаться на дальнейшей судьбе России, способствовать ее духовному развитию, нравственному преобразованию, коренному улучшению жизни. Так как, по словам русского философа В.С. Соловьева: «возведенное в принцип национальное самодовольство неизбежно останавливает не только нравственные, но и всякие успехи народной жизни. «Мы и так хороши» - этот китайский принцип для народа исторического есть прямое начало духовной смерти и разложения» [3,548].

Литература

1. Розанов В.В. Литературные изгнанники. Н. Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. М.: Республика, 2001. 477 с.
2. Ефремов А.В. Борьба за историю: концепция Н.Я. Данилевского в оценке современников. М.: Пашков дом, 2006. 168 с.
3. Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. Философская публицистика: соч. в 2 т. М.:Правда,1989. Т. 1. 687 с.
4. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М.: Известия, 2003. 607 с.
5. Султанов К.В. Социальна философия Н.Я. Данилевского: конфликт интерпретаций. Спб.: Издательство СПбГТУ, 2001. 247 с.
6. Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. М.: Республика, 2005. 368 с.